

ления, разоблачающие империалистические планы агрессии, говорят и о другой причине, диктовавшей необходимость ликвидации кулачества — класса, который наши потенциальные военные противники рассматривали как свою социальную опору.

Вместе с тем писатель показывает и огромные трудности, стоявшие на пути коллективизации, и ошибки, сопровождавшие этот процесс, и нравственные конфликты личного характера, которые зачастую невозможно было однозначно и окончательно решить тогда, в острой, непримиримой ошибке классовых интересов.

Одна из сложных драматических ситуаций романа — судьба Тимофея Шелюгина; трудовой крестьянин, бывший красный боец, он стал зажиточным хозяином и подвержен раскулачиванию и высылке. Для Ильи Длугача, председателя сельсовета. Шелюгин — представитель враждебного класса. Но, с другой стороны, Длугач не может и не испытывать горечи: ведь Тимофей — человек порядочный, трудолюбивый.

Почти рядом идут в романе две сцены: ночь накануне раскулачивания в доме Шелюгина и та же ночь в доме Антона Терпужного. Первая сцена исполнена драматизма: Шелюгины прощаются с родным домом, Тимофей последний раз кормит скотину: «...так же неторопливо, по-хозяйски исполнил все, что он делал тридцать лет, только сегодня он не говорил ни с конями, ни с коровами, а ходил по двору молча, опустив голову, и руки его исполняли привычную работу сами». Вторая же сцена выдержана в беспощадных, разоблачительных красках: кулак Терпужный, злобный враг Советской власти, рушит и губит свое добро, чтобы не досталось оно колхозу, в иступлении зверски убивает жеребую кобылу, которую до того любил и ходил... В резком противопоставлении рисует писатель судьбы двух людей, как бы уравненных принадлежностью к одному классу. Глубокая гуманистическая идея лежит в основе этого противопоставления.

Роман «Сотворение мира» показывает историческую действительность с той мерой знания, какой мы владеем сегодня, с современным отношением к ней. Трезвый реализм, диалектичность подхода к изображению жизненных противоречий — вот что отличает лучшие страницы романа. Приходится подчеркнуть: лучшие страницы, потому что, к сожалению, в этом произведении можно встретить подчас и скоропись и некоторую стилистическую сухость.

Стремление к постановке сложных социальных и психологических проблем — безусловно, одна из отличительных черт историко-революционной прозы. Критика отмечала такое стремление и в новой работе М. Стельмаха, писателя, известного мастерским воспроизведением важнейших этапов народной жизни в эпических и одновременно романтически приподнятых произведениях. Эта новая его работа — роман «Дума про тебя» — охватывает годы гражданской войны, коллективизации, Великой Отечественной войны.

Жизни народа в революционные и после-революционные годы посвящены такие произведения последних лет, как «Поэма о лесах» Е. Пермитина, «На Урале-реке» А. Коптяевой, «Шатровы» и «Страшный суд» А. Югова, «Красные и белые» А. Алдан-Семенова, «Царство Тихой Лугони» Е. Пермяка, «Живое — живым» А. Филева. Народ на историческом переломе — вот, в сущности, тема, занимающая авторов этих произведений, и они освещают ее по-разному — на разном жизненном материале и с помощью изобразительных средств, диапазон которых весьма широк: от подробных и даже порой дотошных описаний у А. Коптяевой до сказовой условности у Е. Пермяка.

Значительные пласты времени поднимает роман А. Иванова «Вечный зов»: пролог уходит к началу века, к большевистскому подполью и застенкам царской охранки в Новониколаевске, а конец повествования относится ко времени войны с фашистскими захватчиками. И это только первая книга, автор работает над продолжением... А. Иванов проследживает множество человеческих судеб, сказавшиеся в них связи между частным и общим. Отчетлива в романе мысль о революции как великой очистительной силе, помогающей высвобождению человеческого в человеке. Причем А. Иванов, писатель драматического склада, как правило, стремится провести эту мысль через коллизии максимально заостренные, подчас представляющие собой как бы доказательства от противного.

Весьма показательна в этом смысле история братьев Федора и Ивана Савельевых. Казалось бы, все ясно и определенно должно быть в облике братьев. Федор воевал в партизанском отряде. Иван входил некоторое время в банду купца Кафтанова, боровшегося против Советской власти. Но А. Иванов, проникая в истоки характеров двух этих людей, показывая обстоятельства их формирования, постепенно открывает нам

неожиданную и поучительную картину. Иван, порвавший с бандитами, сдавшийся красным, проходит затем благотворный путь переделки своего миропонимания. Казнимый сознанием собственной вины больше, чем судом, он весь в стремлении быть полезным людям, слиться с ними в трудах по устройству новой жизни. А в Федоре, напротив, все резче проявляется отчужденность, душевная черствость, истоки которых в неудовлетворенности своей судьбой: смолоду мечтал Федор о богатстве, хотел войти в семью Кафтанова и в стане красных оказался, в сущности, случайно, рассорившись со своим покровителем купцом...

Судьбы Федора и Ивана — это, конечно, судьбы сугубо индивидуальные. Для большинства людей, участников социальных столкновений времен гражданской войны, вопрос об их месте в борьбе решался куда обычнее. Но искусство вправе заниматься исследованием и тех судеб, которые выбиваются из общей колеи, и, как известно, плодотворность подобного исследования блестяще доказана опытом советской литературной классики. А. Иванов, бесспорно, использует в своем романе этот опыт. Рисую коллизии исключительные, особенные, писатель получает возможность рельефнее проявить мысль о глубокой гуманности революции, вовлекающей людей в свое созидательное русло, требующей от них чистых помыслов и чистых рук.

Не все равно удалось А. Иванову в романе. Но в целом десятилетия сибирской деревни, пролепшие от Октября и до Великой Отечественной войны, рисуются писателем интересно, в переплетении неоднозначных фактов и обстоятельств. Здесь еще далеко до всеобщего благоденствия, еще многое осложняет жизнь людей. Но в нее вошло нечто, чему не быть побежденным отныне и на века, — чувство познанной социальной справедливости. Оно и в гордо поднятой голове Семена Савельева, сына Федора, юноши, для которого нормы нравственности, воспитанные советским обществом, — единственно возможная форма восприятия мира. Оно и в мудрости председателя колхоза, бывшего партизана Панкрата Назарова, который твердо убежден, что путь подъема хозяйства неразрывно связан с благополучием каждого труженика. Оно в самоотверженности, с какой возводятся в степи цехи эвакуированного оборонного завода, в труде людей, презирающих холод и голод, — труде, о котором уже тогда, в первую военную осень, секретарь обкома

Субботин имел основания сказать, что благодаря ему мы выиграем войну.

Творческая уверенность, внутренняя свобода, с какой подходят разные писатели к осмыслению нашей истории, к воплощению народной, партийной точки зрения на события давнего и недавнего прошлого, — весьма характерная черта сегодняшних поисков в области историко-революционной темы.

Не вдруг достигнута прозой эта уверенность, эта свобода. Здесь нужно, разумеется, вспомнить и о традициях советской литературы, неизменно стремившейся к правдивому, исторически конкретному отображению действительности, здесь нужно сказать и о новых чертах движения историко-революционной темы, связанных с той огромной критико-аналитической работой, которая проведена партией в последний период развития нашего общества. Само собой понятно, что плоды этой работы, отраженные в литературе, не могут быть связаны какими-либо временными рамками, что они непреходящее достояние творчества советских художников. И потому, говоря о произведениях, появившихся в течение четырех последних лет, мы не можем не вспоминать и те книги, которые предшествовали им и несли на себе ту же печать углубленного историзма. На IV съезде писателей, например, отмечалась появившаяся незадолго до того повесть Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» — одно из емких художественных исследований исторических путей народа. Широкое признание получили такие яркие явления многонациональной советской литературы, как проза И. Мележа, отображающая судьбы белорусского крестьянства, как произведения Б. Кербобаева, эпопея А. Хинта, как роман А. Кешокова «Вершины не спят», или роман И. Гази «Незабываемые годы», или роман А. Нурпейсова «Сумерки». А если вновь обратиться к русской прозе — и сегодня активно участвуют в движении литературы повесть «Evgenia Ivanovna» Л. Леонова, повесть В. Катаева «Маленькая железная дверь в стене», новые главы «Капитального ремонта» Л. Соболева...

Художественное освоение литературой трудного и героического пути советского народа поощряется общественной обстановкой, благоприятствующей глубокому исследованию. На плодотворную основу поставлены ныне те поиски исторической полноты, которые литература начала еще с середины пятидесятых годов. Позиции се-